

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882

И.А. Айзикова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА М.Н. МУРАВЬЕВА И В.А. ЖУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

Выявляются типологические сближения и преемственные связи учебных материалов по общим вопросам истории и воплощенных в них исторических и педагогических концепций М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Анализируется устанавливаемое ими центральное место истории в системе антропологических наук. Своеобразие ключевых положений программы образования и воспитания наследника престола, изложенных в педагогической прозе первого русского романтика, определялось акцентом, сделанным на тесной взаимосвязи истории с религией.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев; В.А. Жуковский; придворная педагогика; педагогическая проза; типологические сближения и расхождения; преемственность.

В.Н. Топоров в «Предисловии» к своей монографии «М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие», описывая разнообразие занятий, интересов и талантов М.Н. Муравьева, одной из главных его заслуг, «помимо писательской деятельности и ее культуртрегерской доминанты», прежде всего отмечает то, что «именно Муравьев (наравне с Лагарпом) более всего способствовал наступлению “дней Александровых прекрасного начала” и продолжению лучшего в них впоследствии» [1. С. 19], имея в виду учебные занятия писателя с великими князьями Александром и Константином Павловичами по русской истории, русской словесности и нравственной философии (с 1785 г.). В это время Муравьевым было написано большое количество учебно-воспитательных текстов, которые печатались в нескольких экземплярах в Императорской типографии по заказу двора, в связи с чем были неизвестны вне узкого круга лиц, причастных к образованию великих князей, прошли не замеченными «ни читателями, ни – практически – русской литературой того времени» [1. С. 13]. Однако, определяя значение Муравьева в реальной истории русской литературы, а не в написанной исследователями, из поля зрения которых писатель выпал на долгие годы, Топоров указывает, что, находясь «на перекрестке» отечественной словесности периода перехода от классицизма к сентиментализму и предромантизму, поисков соотношения в литературе «старого» и «нового», способов рецепции и адаптации западноевропейского опыта, Муравьев занял «актуальное место в сводной книге русской литературы» [1. С. 24–25].

Почти то же самое мы можем сказать в отношении наследия Муравьева-педагога, устанавливающего в этой области новые педагогические стратегии и методы, определявшиеся в духе сентиментализма и питающей его идеалистической философии целью формирования личности. Целенаправленной эволюции подверглось и понимание учебной литературы, которая наполнялась Муравьевым новым содержанием, новыми жанрами и новыми стилевыми решениями. Многое почерпнувший в западной педагогике, автор целого корпуса педагогической прозы Муравьев-

педагог и воспитатель, в свою очередь, как и в литературе, оказал влияние на «лучших из лучших» в этой области. В данной статье речь пойдет об усвоении и развитии педагогического опыта Муравьева, запечатленного в его прозаическом творчестве, В.А. Жуковским, который вошел в историю русской культуры как первый русский романтик, глубочайший мыслитель, как человек, наделенный даром синтеза не только разных видов искусств, но и разных видов деятельности, что вылилось в одно из важных дел его жизни – обучение и воспитание великого князя Александра Николаевича, будущего русского императора Александра II.

О педагогических занятиях Муравьева писали уже его современники (И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, Ф.Ф. Вигель, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, Н.Ф. Кошанский, А.С. Пушкин, в 1830–1840-е гг. – П.А. Плетнев и В.Г. Белинский)¹, подчеркивая единство его литературного творчества, культурно-общественной, институциональной деятельности, в том числе в области образования и воспитания, и кристальной нравственности. Много позднее Г.А. Гуковский писал, что «в кругу карамзинистов был принят как обязательный культ Муравьева, наставника в жизни, морали и литературе» [3. С. 252]. Далее, как отмечает В.Н. Топоров, «годы высокой оценки Муравьева окончились... и забвение продолжалось не менее века» [1. С. 16].

Исследователь указывает на четыре-пять статей о Муравьеве, появившихся в период «забвения». Среди них отметим публикацию Е.В. Петухова «Михаил Никитич Муравьев. Очерк его жизни и творчества» [4], открывающую страницу биографического подхода к жизни и творчеству писателя. Очерк открывается представлением Муравьева как «наставника великих князей Александра и Константина, товарища министра народного просвещения, куратора Московского университета, человека весьма образованного и писателя с рано пробудившейся страстью к литературе», как человека, «располагающего разнообразными способами влияния на своих современников».

Сказав буквально несколько фраз о деятельности Муравьева в роли наставника великих князей, результатом которого называются его воспитательно-учебные статьи², Петухов подробно описывает его роль в развитии Московского университета и в целом «народного просвещения». В третьей части статьи автор возвращается к характеристике педагогической прозы Муравьева, квалифицируя ее как «изложение тех уроков, которые... давал он великим князьям... по предметам русской истории, русской словесности и нравственной философии», «легкое и эпизодическое... с неизменно проводимой нравоучительной подкладкой» [4. С. 285], на основании чего делается вывод: «Рассматривать их как литературные произведения можно лишь при особой точке зрения на них, определяемой педагогическим их назначением» [4. С. 290].

Биографический подход использован и в работе Н.П. Жинкина «М.Н. Муравьев (По поводу истекшего столетия со времени его смерти)» [5], в которой акцент сделан именно на историко- и социокультурных контекстах деятельности Муравьева и ее результатах, проявившихся после его смерти в России XIX в. Жинкин весьма подробно представляет в своей монографии Муравьева-педагога, подчеркивая его отношение к своим обязанностям наставника великих князей как к святой миссии. Опираясь на воспитательно-педагогические сочинения Муравьева, опубликованные и хранящиеся в архиве, рукописные, исследователь выводит «общие принципы дидактики» Муравьева, согласованные с основными вопросами педагогики. Он представляет муравьевское понимание цели воспитания, каковой являются «красоты нравственные», требования к учителю, идею системности обучения и воспитания, принцип последовательности в образовательно-воспитательном процессе. В монографии приводятся основные положения учебной программы, выработанной Муравьевым на «много лет», недельные расписания занятий великих князей, описывается путешествие Муравьева со своими учениками в Москву, которое состоялось на втором году обучения [5. С. 289–293]. Отдельный раздел монографии посвящен воспитаннику Муравьева, Александру I. Его образ построен Жинкиным на идее глубокого восприятия концепций наставника, прежде всего, принципа «благоговения к науке», с чем Жинкин связывает широкие реформы, проведенные императором в области народного образования и направленные на свободу преподавания, к реализации которых был привлечен Муравьев.

Определяя значение педагогической прозы Муравьева, Жинкин ставит ее выше стихотворных сочинений, отмечая «нравственную тенденцию» всех статей Муравьева, независимо от темы. Пристально рассматривая предмет нравственной философии, осмысливаемый Муравьевым в его сочинениях, а также статьи, посвященные истории, Жинкин подчеркивает, что они способствуют главному – «развитию правильного взгляда... на исторический процесс и на значение личности в истории» [5. С. 332].

Исследовательский интерес к Муравьеву вновь проявился в 1930-е гг., когда научной общественности

были представлены работы Г.А. Гуковского и Л.И. Кулаковой, а еще позднее муравьевоведение пополнилось трудами Н.Д. Кочетковой, В.Д. Левина, Р.М. Лазарчук, И.Ю. Фоменко, Л. Росси, В.Н. Топорова, А.Н. Бруханского, А.Н. Пашкурова, Л.Б. Прокопьевой и др. Но собственно педагогической деятельности Муравьева и его педагогической прозе посвящено было не так много исследований. В первую очередь следует назвать статьи Л. Росси «Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы)», «Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиции французского Просвещения», И.Ю. Фоменко «Исторические взгляды М.Н. Муравьева», «Из прозаического наследия М.Н. Муравьева», ее диссертацию «Проза М.Н. Муравьева: Из истории русской прозы последней трети XVIII века», статью Д.В. Долгушина «Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев» [6–11], в которых активно вводились в научный оборот новые материалы, большей частью извлеченные из архивов, ставились проблемы соотношения художественной и педагогической прозы Муравьева; проза писателя, в том числе и педагогическая, рассматривалась в контексте истории русской прозы, европейских философских, исторических и педагогических концепций, русской придворной жизни и педагогики.

Практически все исследователи отмечают как преемника Муравьева-педагога и автора воспитательно-образовательных сочинений первого русского романтика В.А. Жуковского³. Не претендуя на полное освещение этой широкой проблемы, которая до сих пор не становилась предметом специального исследования, в предлагаемой статье сосредоточимся на выявлении преемственности педагогических и исторических взглядов Муравьева и Жуковского, выразившихся в их педагогических сочинениях на исторические темы⁴.

В первую очередь подчеркнем важность категории времени в универсальных концепциях бытия Муравьева и Жуковского⁵, с чем и связан их непреходящий интерес к истории (и ее преподаванию), которая, по мнению обоих писателей-педагогов, формирует человека.

В.Н. Топоров, соглашаясь с мнением многих ученых о прямой связи всех сочинений Муравьева, посвященных истории, с его педагогической деятельностью, делит их на три группы по тематическому принципу: история России, мировая история и общие вопросы истории, обращенные к типологии исторических событий и процессов. Последнюю группу ученый называет «прерывистым текстом», имея в виду, что отдельных статей, посвященных данным проблемам, у Муравьева не так много, но при этом фрагменты «прерывистого текста» Муравьева об истории входят практически во все его исторические статьи первых двух разделов «в качестве прамбулы или некоторых общих обоснований» [1. С. 747]. На этом основании Топоров сближает Муравьева, «пытавшегося в разных, многих и частных “историях” усматривать единое и общее», с основателями «морфологии истории» (О. Шпенглер), осмысливающими ее общие за-

коны в соотношении с ее живым течением [1. С. 769]. Во многом на этом принципе Муравьев строит свою систему преподавания истории и корпус педагогической исторической прозы: от «общих оснований» к «иллюстрирующим примерам из русской, античной, западноевропейской истории» [1. С. 747].

В творческом наследии Жуковского, в том числе среди его сочинений, написанных с педагогической целью, мы также не найдем статей собственно теоретического характера, что, как и в случае с Муравьевым, не означает отсутствия теоретических постулатов, которые рассыпаны по всем статьям Жуковского, обращенным к ученикам, положены в их основу. Не ставя перед собой задачу целостного осмысления концепций истории Муравьева и Жуковского, выделим положения, оказавшиеся для них наиболее важными в педагогической деятельности.

Прежде всего отметим понимание обоими методологической ценности принципа принципиальной взаимосвязи истории и целого ряда других антропологических наук. Так, и Муравьеву, и Жуковскому чрезвычайно важно соположение истории и философии, позволяющее, по их убеждению, осмысливать причинно-следственные нити исторических событий, эпох и видеть исторический процесс в целом, в комплексе его закономерностей. Отсюда вытекает и представление об истории как многослойном опыте человечества и отдельного человека, в первую очередь в области нравственности, просвещения и культуры.

Эта мысль красной нитью проходит через статью Муравьева «Учение истории», открывающую цикл с не менее красноречивым заглавием «Опыты истории». Она же определяет тесные проблемно-тематические взаимосвязи всех статей, входящих в названный цикл. Например, за статьями «Учение истории», «О истории и историках», «Историки древности» следуют «Противоположение дикости и просвещения», «Успехи человеческого разума», «Успехи учения», развивающие просветительскую идею нравственного смысла истории, исторического развития как движения от «грубости дикого» человека к «просвещенному гражданину», направляемого «беспредельным колебанием добродетелей и пороков» [19. Т. 1. С. 310]. В свою очередь, эти статьи входят в широкий контекст других педагогических статей, посвященных собственно проблемам нравственности: «Нравоучение», «Черты нравоучения», «О нравственном законе» и др., а также вопросам просвещения и искусства как важнейших источников образования и воспитания человека.

Жуковский, хорошо знакомый с педагогической прозой Муравьева, не менее чем он, с самого начала своего творчества, и особенно в 1820-е гг. (время его занятий с великим князем Александром Николаевичем), был убежден в необходимости «приобретения философического взгляда на происшествие...», «общего понятия об истории», о чем неоднократно писал ближайшему другу А.И. Тургеневу в своих письмах [20. С. 106, 104]. Выступая последовательным преемником Муравьева, Жуковский отстаивает свою «общую идею об истории» – идею нравственного разви-

тия общества как главного двигателя истории, что отразилось, как и у Муравьева, в характере восприятия поэтом трудов многих европейских и отечественных историков⁶, в его сочинениях, в том числе в его педагогической прозе. Так, например, практически во всех редакциях «Плана учения» наследника русского престола находим, наряду с историей, образовательные модули, посвященные философии, «нравственности частной и публичной».

В отдельном разделе к «Плану учения» – «Некоторые примечания» – Жуковский записывает, во многом повторяя Муравьева: «Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее» [22. С. 120]. Впоследствии именно этот фрагмент «Плана учения» Жуковский выделит в отдельную статью «Польза истории для государей» и разместит ее в своем педагогическом журнале «Собиратель» (№ 1). Составленное Жуковским учебное пособие «Черты истории государства Российского», предназначенное для изучения великим князем курса русской истории, открывается тем же постулатом: «История изъясняет нам, что был сей народ прежде, что он теперь, и к чему может достигнуть, пользуясь своею нравственною силою» [22. С. 150]⁷. На этих идеях базируются и другие учебные пособия Жуковского по истории, созданные для великого князя: «Введение в историю государства Российского» и «История государства Российского».

Обратимся к принципиальному, методологически важному для Муравьева соположению в его педагогической прозе тем и проблем истории и политики, весьма характерному и для педагогических сочинений Жуковского 1820-х гг. Важнейшими в этом отношении для Муравьева являются вопросы о формах государственного устройства, о характере управления государством. Они рассматриваются в целом ряде его учебно-воспитательных текстов: «Черты государственного установления», «Черты нравоучения», «Пользы и затруднения государственного знания», «Право лиц», «О законодательной власти», «Последование государей» и др., которые В.Н. Топоров справедливо объединяет в перекликающиеся подтексты «нравственности» и «закона и права».

Так, панорама возможных способов правления, рассмотренных сквозь призму нравственности и закона, представлена в статье «Черты нравоучения». Муравьев дает следующие определения формам государственного устройства: «Демократия есть такое правление, в котором государственная власть находится в лицах, представляющих народ» («изъявление воли общества или большинства его» квалифицируется как «народный закон»); «монархия поручает верховное могущество одной особе на основании законов»; «деспотизм поставляет государя выше законов» [19. Т. 2. С. 158–159]. Установление любой формы государства Муравьев неизменно связывает с понятием закона, на основании которого «каждый член общества веряет оному в залог свои естественные права и для сохранения оных подвергается общей воле» [19. Т. 2. С. 158].

В статье «Право лиц» разъясняется связь закона, государства, народа и нравственности: законы служат «посредством» между держателем государственной власти и народом, «обычай и нравы» которого «отдаляют деспотизм», «законы повелевают правителям отнимать власть у жестокосердых и защищать человечество» [19. Т. 2. С. 196]. В «Гражданских установлениях» дается еще одна формула взаимоотношений власти и народа: «любовь к законам земли своей» означает любовь к Отечеству [19. Т. 2. С. 202]. В статье «О законодательной власти» вновь подчеркивается единство «справедливого, кроткого, соразмерного нуждам и свойствам народа» закона, его соблюдения властью и «величайшего счастья для народа» [19. Т. 2. С. 204]. В статье «Пользы и затруднения государственного знания» наиболее четко определяется зависимость процветания государства от нравственного состояния его граждан: «Развращение нравов и разрушение государств малейшим расстоянием отдалены друг от друга. Все сии предметы принадлежат к науке правительства. Нравоучение служит основанием его; история освещает ее» [19. Т. 2. С. 192].

Будучи убежденным в том, что «государство, столь пространное, как Россия, не может иметь другого образа правления, кроме единоначалия» («Черты государственного установления») [19. Т. 2. С. 142], Муравьев представляет идеальной просвещенную монархию. Внимание автора во многих статьях сосредоточено, соответственно, на образе просвещенного монарха. Его важнейшей характеристикой является уважение к закону, что, по мнению Муравьева, и обеспечило его сохранность «от самого начала монархии» [19. Т. 2. С. 144]. Причем и в этом контексте «распространение и возвышение законодательных правил» связывается с нравственным совершенствованием общества и отдельных его членов, особенно тех, кто наделен властью. В первую очередь Муравьев относит этот постулат к фигуре просвещенного монарха, власть которого «не ограничена никакими пределами, но кротость последних царствований приблизила ее во всем к сообразованию с европейскими монархиями, и даже имя раба изгнано, так как приличное в одном азиатическом деспотстве и унижающее человечество» [19. Т. 1. С. 145].

Портрет просвещенного монарха и программа его обучения и воспитания наиболее полно представлены в статье «Пользы и затруднения государственного знания». Первой необходимой для государя характеристикой называется «познание отечества своего». Способами его приобретения, по Муравьеву, являются «действительное участие в делах государственных, рассматривание природы и общежития в городах и селах», последовательное изучение трудов ученых по истории, а также ее законодательства и «свойств правления. <...> Но еще важнее знание народной силы, богатства, потребностей, обычаев, просвещения» [19. Т. 1. С. 188, 189]. В этой образовательной программе свое место занимает и геополитика, знание общественно-географической специфики пространства, форм и способов контроля над территориями, которыми предстоит управлять наследникам престола. География, история, политика, нравственность

составляют еще одну систему, положенную в основу придворной образовательно-воспитательной концепции Муравьева.

Жуковский оказался преемником во многих ее аспектах. И прежде всего он глубоко разделяет мысль Муравьева о современном значении истории, заключающемся в преподнесенных ею нравственных и политических уроках. Понимая взаимосвязь названных областей знания, Жуковский с самого начала (о чем свидетельствует «Проект плана учения... наследника цесаревича») предусматривает параллельное изучение истории и «нравственности частной и публичной» уже в первом периоде «учения», во втором – изучение истории планируется в связи с философией, о чем уже шла речь выше, и «политическими науками» [22. С. 102].

В «Плане учения», представленном Николаю I, речь идет об этом же более подробно. Первый период «Отрочество. От 8-ми до 13-ти лет» Жуковский сравнивает «с приготовлением к путешествию», компасом в нем называется «образование *сердца*: развитие нравственного чувства». В качестве «карты» выступают знания по названным выше дисциплинам, изложенные «вкратце, в связи, в ясной и полной системе», призванные ответить ученику на четыре вопроса: «Где я? Что я? Что я быть должен, и к чему предназначен?» [22. С. 103]. Второй период обучения «Юношество. От 13-ти до 18-ти лет» Жуковский сравнивает с самим путешествием, посвященным «подробному преподаванию наук, нужных воспитаннику как члену просвещенного общества», «которые наиболее нужны ему по его назначению». На первом месте стоят «науки антропологические, имеющие предметом человека: История. География, то есть этнография и статистика. Политика. Философия» [22. С. 103].

В «Примечаниях» к «Плану...» поэт создает идеальную модель выпускника, освоившего образовательно-воспитательную программу. Его центральной характеристикой является просвещенность, подразумевающая «многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью», и прежде всего глубокое знание всего того, «что в его время необходимо для общего блага и в благе общем для его собственного». Таким образом понимаемое просвещение, считает Жуковский, «необходимо для частного человека, ибо каждый на своем месте должен знать, что делать и как поступать. Оно необходимо для народа, ибо народ просвещенный более привязан к закону, в котором заключается его нравственность... Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно дает способы властвовать благотворно» [22. С. 120].

Главные правила «деятельности царской», как считает Жуковский, его воспитанник извлекает из «сокровищницы просвещения царского» – истории. Эти правила последовательно названы в «Примечаниях» к «Плану...»: «История познакомит наследника престола с судьбою народов» и объяснит «причины их бедствий и благоденствия во всех временах», она научит его уважать закон и своим примером показывать уважение к закону остальным [22]. Второе правило царской деятельности заключается в любви к просвещению и в его распространении, третье – в любви и ува-

жении к своему народу, который «всегда на стороне правосудного государя». Правосудие царя Жуковский ставит в ряд с такими понятиями, как свобода народов и милосердие государей. Далее записан важнейший для Жуковского тезис о царской власти: «Владычеству не силою, а порядком». И подытоживает этот перечень правил следующее: «Не обманывайся насчет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного – верь добродетели!» [22. С. 121].

Эти мысли, представленные поэтом Николаю I, Жуковский озвучивает и своим ученикам (кроме великого князя, это были, как известно, И. Виельгорский и А. Паткуль) в так называемых «педагогических речах», переданных К.К. Мёрдером в «Записках». Так, в речи, произнесенной 2 февраля 1829 г., в день экзамена по Закону Божьему, на котором присутствовали император и императрица, красной нитью проходит идея необходимости для будущего государя учиться приобретать уважение к себе окружающих. С этой целью, обращается Жуковский к своим ученикам, «теперь мы начнем заниматься историей; она будет для нас самым убедительным доказательством, что уважение приобретается одними постоянными добродетелями». И далее Жуковский обращает внимание великого князя на то, что по тому месту, на которое его назначил Бог, он будет «со временем замечен в истории; ...она скажет об Вас свое мнение перед целым светом, и на все времена, мнение, которое будет жить в ней и тогда, когда вас и нас не будет» [22. С. 122]. Поэт говорит со своими учениками об очень важной теме строгого суда истории и отечества над каждым, и в первую очередь над теми, кому суждено управлять народом, что было связано со сформировавшимся у него к 1820-м гг. критическим подходом к истории, на который указала Ф.З. Канунова [21]. Чтобы этот суд со временем «мог обратиться в любовь», его воспитанникам необходимо, по мнению Жуковского, научиться владеть собой, любить труд, быть деятельными [22. С. 122]. Эти темы и идеи развивались и Муравьевым в его учебных пособиях по русской и мировой истории, к ним мы обратимся далее специально.

Как видим, ключевые положения программы образования и воспитания наследника престола, изложенные в педагогической прозе Муравьевым и Жуковским, предельно близки. Вместе с тем необходимо подчеркнуть одну особенность педагогической позиции Жуковского, значительно отличающую его образовательную программу, педагогическую «методу» и пафос учебно-воспитательной прозы от муравьевских, – это акцентирование первым русским романтиком тесной взаимосвязи истории с религией, верой в Бога⁸. Оно корректирует все рассмотренные выше положения Жуковского и Муравьева, не отменяя их.

В этом отношении показательны учебные планы, составленные Жуковским для занятий с великим князем. Так, уже в «Проекте плана...» первого периода курсы «Нравственность частная» и «Нравственность публичная» объединены в общий модуль «Христианская нравственность». Следующие три курса – «Метафизика», «О бессмертии души» и «О Боге» также объединены в общий раздел плана – «Религия откровения», который должен раскрывать учащимся исто-

ки христианства.

В «плане учения...» данные намерения уточняются и расширяются. В «Предварительных понятиях» Жуковский вновь записывает указанные в «Проекте...» вопросы, на которые наследнику престола должно дать ответы его «учение». Один из них – «К чему предназначен» – существенно конкретизируется: «...для чего он («питомец». – И.А.) *предназначен* как существо бессмертное». В плане «Учение приговорительное» тезис об «образовании сердца: развитие нравственного чувства» дополняется указанием метода, с помощью которого планируется достижение результата «посредством первых понятий религии». В «Подробном плане учения в первый период» «начало нравственности христианской» предполагается дать воспитанникам в первом классе на материале «избранных библейских повестей», путем ознакомления с «главными фактами Священной истории древнего и нового завета». Описывается и методика обучения: «Простой рассказ без всяких посторонних рассуждений, в связи хронологической. Извлечение из фактов правил нравственности, основанной на учении Спасителя» [22. С. 107]. Программа второго класса ориентирована на систематизацию приобретенных ранее знаний: представления о человеке и окружающем мире планируется формировать в разных взаимосвязанных аспектах, один из которых, направленный на осознание учениками своего предназначения, предполагает усвоение в теории и на практике таких идей: «человек как существо духовное и бессмертное» (предмет Метафизики) и «человек как существо, постигающее Бога. Богопознание: Религия естественная (т.е. открывающаяся осмыслением сотворенного Богом мира и человека. – И.А.). – *Религия откровенная* (т.е. постигаемая через откровение. – И.А.)» [22. С. 109].

Представляя курс истории в «Некоторых примечаниях» к «Плану...» как основной, Жуковский настойчиво подчеркивает необходимость «освещения» истории религией. Только в таком случае, считает поэт, она «воспламенит» в великом князе «любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству и даст ему высокое понятие о его сане» [22. С. 120]. Все названные выше правила царской деятельности, извлекаемые из истории, также формулируются сквозь призму веры. Преподавание истории, из которой наследник престола узнает о судьбе народа, которым ему предстоит управлять, позволит ему, по мысли Жуковского, сделать главный вывод: «верь, что власть царя происходит от Бога <...> верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога!» [22. С. 120–121]. Эти идеи определяют и пафос учебных пособий Жуковского по истории, о которых речь пойдет в следующей нашей статье.

Наконец, важно отметить, с какой тщательностью подбиралась Жуковским кандидатура законоучителя великого князя. Взяв на себя преподавание истории, он обсуждает вопрос об учителе Закона Божьего с императрицей и императором. В письме к Александре Федоровне от 15/27 июня 1826 г. он пишет: «Особенно умоляю Ваше Величество не торопиться выбором духовного лица, которое должно будет дать великому

князю религиозное образование: это предмет слишком серьезный и требует большой осмотрительности... Религия не отдельная наука, которую изучают, как, например, математику; <...> она скорее служит *средством воспитания*, она должна входить во все, должна сливаться со всеми чувствами, со всеми мыслями, чтобы стать *жизненным правилом* <...> Надеюсь, что по возвращении моем я буду иметь возможность представить Вам человека, достойного Вашего доверия. <...> Соболаговолите представить Его Величеству Государю Императору мою покорнейшую просьбу относительно этого» [24. С. 321].

Избрание законоучителя для наследника престола заняло довольно много времени. 1/13 октября 1826 г. Жуковский сообщал в письме К.К. Мердеру о своем разговоре по этому поводу с Николаем I: «Государь император изволил мне лично говорить об отце Петре, том священнике, который в последнее время был употреблен в крепости и так много и благотельно действовал» [24. С. 369]. В этом же письме поэт извещает Мердера о том, что он отклонил предложение Николая I (отец Петр, П.Н. Мысловский, протоиерей Казанского собора в Санкт-Петербурге), мотивировав это так: «Он человек достойный по твердому характеру, по уму и по сердцу. Но этого мало: нужно иметь при характере и большие сведения по богословию», и предложил царю о. Герасима Павского. Жуковский характеризует его Мердеру следующим образом: «С этой стороны (т.е. знаний по богословию. – И.А.) предпочтительнее отец Герасим Павский. Он учился в Невской академии, где удостоен степени доктора богословия <...>. Он прекрасный, почтенный человек, весьма учен и может хорошо учить. Не думаю, чтобы между нашими священниками можно было бы найти другого, более знающего. Характер его беспорочный» [24. С. 369]. Именно Г.П. Павский был назначен учителем Закона Божия и Священной истории наследника Александра Николаевича и приступил к занятиям в конце ноября 1827 г.

Таким образом, в ходе исследования педагогической прозы Муравьева и Жуковского на темы истории, в частности, ее общих вопросов, с достаточной

степенью очевидности выявляется множество перекличек, которые, безусловно, носят характер типологических сближений, определяемых атмосферой духовных исканий русского общества рубежа XVIII – первой половины XIX в. Выявленные пересечения, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей, во многом объясняют закономерности перехода русской истории, литературы и педагогики из эпохи Просвещения в эпоху романтической философии истории, романтического искусства и, если так можно выразиться, романтической педагогики и порожденной ею прозы писателей-педагогов.

Вместе с тем не менее очевидны и преемственные связи педагогических и историко-философских поисков Муравьева и Жуковского, а также художественно-эстетических принципов их воплощения в педагогической прозе. Представляется возможным говорить о воздействии на Жуковского, хорошо знакомого с писательской, педагогической и общественной репутацией Муравьева, с его творческим наследием, редакторской подготовкой которого к изданию он занимался, во-первых, личности Муравьева-педагога и общественного деятеля, во-вторых, его педагогических и исторических концепций и способов их выражения в педагогической прозе. Сближения и расхождения этих писателей-педагогов, сознательное сохранение Жуковским как преемником целого ряда элементов образовательно-воспитательных и исторических идей, воплощенных в учебно-воспитательных сочинениях Муравьева, и одновременно вполне закономерное их обновление следует искать в концептуальных областях понимания общих законов истории и поисков форм изображения истории в литературе, в том числе и в учебной, имеющей своей целью не только передачу фактов и идей, но и эмоциональное воздействие на ученика, необходимое для эффективности образовательно-воспитательного процесса, в частности, для работы ученика с учебными пособиями. Учебным материалам Муравьева и Жуковского по русской и мировой истории и характеру их преемственности будет посвящена наша вторая статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее: [2].

² При этом Е.В. Петухов вполне разделяет мнение А.Н. Пыпина, высказанного в монографии «Общественное движение в России при Александре I», о том, что «Муравьев как наставник мог содействовать образованию того идеализма, который составлял, как известно, весьма характерную особенность нравственного склада Александра I» [2. С. 296].

³ О степени изученности педагогической деятельности В.А. Жуковского и его педагогической прозы нам уже приходилось говорить. См.: [12, 13].

⁴ За скобки вынесем вопрос об отношении Жуковского к личности и творчеству Муравьева, поскольку это может стать темой отдельного исследования. Однако некоторые факты назвать все же необходимо. Прежде всего приведем фрагмент «Конспекта по истории русской литературы», который поэт составлял в конце 1826 – начале 1827 г., как отмечает в своем комментарии к публикации А.С. Янушкевич, «для использования его в литературных кругах Западной Европы, для пропаганды русской литературы на Западе» (см.: [14. С. 506]). А.А. Койтен указывает, что «Конспект...» был положен в основу статьи «Русский язык и литература» во «Всеобщей немецкой предметной энциклопедии для образованных сословий (Лейпциг, 1827) Брокгауза (см. об этом: [15]). Представляя свою историко-литературную концепцию, Жуковский выделяет 3 периода развития отечественной словесности, связывая их с развитием языка. В разделе «Прозаики» второго периода «От Ломоносова до Карамзина» находим характеристику М.Н. Муравьева, которая открывается указанием на то, что он являлся наставником императора Александра и написал «для своего высокопоставленного воспитанника несколько работ по истории России: отрывки в манере английского “Зрителя”, которые он назвал “Обитатель предместья”, “Разговоры мертвых”; язык его не безупречно чист; он не владеет им; чувствуется, что он воспитан на французских образцах. Но он полон мыслей и особенно образов. При чтении его произведений чувствуется, что он воспринял все, что есть прекрасного в древней и новой литературе. И во всем, что он написал, видна прекрасная душа, все отмечено печатью чистоты и любви к добру. Он имел мало влияния на своих современников, так как почти ничего не печатал. Его произведения вышли в свет после его смерти. По своим познаниям он был много выше своих современников» [14. С. 363]. Жуковский, как известно, приложил немало усилий для посмертного издания сочинений Муравьева, взяв на себя редакторскую подготовку,

вместе с Н.М. Карамзиным и К.Н. Батюшковым (см. об этом: [16, 17]). Наконец, отметим наличие большого количества книг с сочинениями Муравьева в библиотеке Жуковского, среди них перевод с латинского языка поэмы Петрония «Гражданская брань» (СПб., 1774), «Опыты истории, письмен и нравоучения» в 2 томах (СПб., 1796), «Обитатель предместья и Эмилиевы письма» (СПб., 1815) и Полное собрание сочинений писателя в 3-х частях (СПб., 1819–1820) – ряд книг с пометами Жуковского (см.: [18. № 236–238, 289].

⁵ Эта проблема не может быть здесь рассмотрена в силу ее глубины и обширности, необходимости привлекать к исследованию многие контексты.

⁶ См. об этом подробно: [21]. О восприятии идей европейских и русских историков Муравьевым см.: [1, 7, 8].

⁷ Ср., например, с упомянутой выше статьей Муравьева «Учение истории»: «История... представляет народы... проходящие постепенно различные возрасты и состояния <...> Она представляет будущим поколениям примеры прошедшего. Подобно как зажигают огни на островах и возвышениях посреди моря, усыпанного камнями, для избавления мореплавателя от неминуемого кораблекрушения, так история возносит светильник свой над преткновениями, которые угрожают государствам бедствиями и разрушениями». Изучение истории, по Муравьеву, позволяет видеть «все происшествия, приведенные к заключению их и составляющие одно целое» [19. Т. 1. С. 302].

⁸ Об эволюции отношения Жуковского к религии, вере в Бога см. подробно в кн.: [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II, кн. 1: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
2. Пашкуров А.Н. Миф М.Н. Муравьева в русской литературной культуре: истоки // Михаил Муравьев и его время: сб. ст. и материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2013. С. 61–71.
3. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. 316 с.
4. Петухов Е.В. Михаил Никитич Муравьев. Очерк его жизни и творчества // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. С. 265–296.
5. Жинкин Н.П. М.Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XVIII, кн. 1. СПб., 1913. С. 273–352.
6. Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 114–146.
7. Росси Л. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиции французского Просвещения // Муравьев и его время: сб. ст. и материалов V Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 25–26 апр. 2015 г.). Казань, 2015. С. 9–14.
8. Фоменко И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. СПб., 1981. С. 167–184.
9. Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1981. № 3. С. 116–130.
10. Фоменко И.Ю. Проза М.Н. Муравьева: Из истории русской прозы последней трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 23 с.
11. Долгушин Д.В. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.
12. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004. 403 с.
13. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мёрдеру) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 5–15.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. М., 2012. Т. XII. 543 с.
15. Keuten Alla. Где и когда был опубликован «Конспект по истории русской литературы» В.А. Жуковского // Russian Literature. 2007. Vol. 61, Is. 3. P. 269–290.
16. Левин В.Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии: сб. ст. к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М., 1965. С. 182–191.
17. Жиликова Э.М. В.А. Жуковский и М.Н. Муравьев // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. I. С. 71–104.
18. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Томск, 1981. 415 с.
19. Муравьев М.Н. Сочинения: в 2 т. СПб., 1847.
20. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. М., 2018. Т. XV. 1085 с.
21. Канунова Ф.З. Русская история в чтении и исследованиях Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. I. С. 400–465.
22. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. XI. Первый полутом. М., 2016. 1047 с.
23. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2001. 302 с.
24. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. М., 2019. Т. XVI. 1149 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 марта 2020 г.

Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/461/1

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Mikhail Muravyov; Vasily Zhukovsky; court pedagogy; pedagogical prose; typological convergence and divergence; continuity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

The article reveals typological convergence and continuity between educational materials on general issues of history and the pedagogical and historical concepts in them by Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. The author analyzes the connections of history with philosophy, ethics, politics, and political geography that Muravyov and Zhukovsky establish, and the central place of history in the system of anthropological sciences. The author also reveals fundamental differences in the understanding of history and its teaching by Muravyov and Zhukovsky. These differences significantly distinguish the educational program, pedagogical method and pathos of Zhukovsky's educational prose from that of Muravyov. Zhukovsky emphasizes the close relationship of history with religion and faith in God, which corrects all the instances of convergence discussed in the article without canceling them. The common revealed in Muravyov's and Zhukovsky's pedagogical prose on history certainly has the character of typological convergence determined by the atmosphere of the Russian society's spiritual search in the late 18th – first half of the 19th centuries. The intersections that have not yet attracted the attention of researchers explain in many ways the patterns of transition of Russian history, literature, and pedagogy from the Enlightenment to the era of romantic philosophy of history, romantic art, and, so to speak,

romantic pedagogy and the prose of writers-educators this pedagogy generated. At the same time, the continuity of Muravyov's and Zhukovsky's pedagogical and historical-philosophical searches, as well as the artistic and aesthetic principles of their implementation in pedagogical prose, is also obvious. Zhukovsky was well acquainted with Muravyov's writings, teaching and public reputation, and with his creative heritage (he was engaged in the editorial preparation of the heritage for publication). It is possible to claim that both the personality of Muravyov as an educator and public figure, and his pedagogical and historical concepts and ways of expressing them in pedagogical prose had an impact on Zhukovsky. The convergence and divergence of the two writers and educators, Zhukovsky's (as Muravyov's successor) conscious preservation of a number of elements of educational and historical ideas embodied in Muravyov's educational works, and their quite logical update must be sought in the conceptual areas of understanding the general laws of history and searching for forms of expressing history in literature, including educational one that aims at not only transmitting facts and ideas, but also rendering an emotional impact on the student necessary for the effective educational process, in particular, in the student's work with educational books. The author's second article will analyze Muravyov's and Zhukovsky's educational materials on Russian and world history and the nature of their continuity.

REFERENCES

1. Toporov, V.N. (2001) *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Pashkurov, A.N. (2013) [Myth of M.N. Muravyov in Russian literary culture: Origins]. *Mikhail Murav'ev i ego vremya* [Mikhail Muravyov and his time]. Proceedings of the IV All-Russian Conference. Kazan: Kazan Federal University. pp. 61–71. (In Russian).
3. Gukovskiy, G.A. (1938) *Ocherki po istorii russkoy literatury i obshchestvennoy mysli XVIII veka* [Essays on the history of Russian literature and social thought of the 18th century]. Leningrad: GIKhL.
4. Petukhov, E.V. (1894) Mikhail Nikitich Murav'ev. Ocherk ego zhizni i tvorchestva [Mikhail Nikitich Muravyov. Essay on his life and work]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. pp. 265–296.
5. Zhinkin, N.P. (1913) M.N. Murav'ev (po povodu istekshego stoletiya so vremeni ego smerti) [M.N. Muravyov (about the century that passed after his death)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk*. XVIII (1). pp. 273–352.
6. Rossi, L. (1995) Sentimental'naya proza M.N. Murav'eva (Novye materialy) [Sentimental prose by M.N. Muravyov (New materials)]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 19. St. Petersburg: Nauka. pp. 114–146.
7. Rossi, L. (2015) [Pedagogical prose of M.N. Muravyov and the traditions of the French Enlightenment]. *Mikhail Murav'ev i ego vremya* [Mikhail Muravyov and his time]. Proceedings of the IV All-Russian Conference. Kazan. 25–26 Apr. 2015. Kazan: Kazan Federal University. pp. 9–14. (In Russian).
8. Fomenko, I.Yu. (1981) Istoricheskie vzglyady M.N. Murav'eva [Historical views of M.N. Muravyov]. In: Makogonenko, G.P. & Panchenko, A.M. (eds) *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka. pp. 167–184.
9. Fomenko, I.Yu. (1981) Iz prozaicheskogo naslediya M.N. Murav'eva [From the prose heritage of M.N. Muravyov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 116–130.
10. Fomenko, I.Yu. (1983) *Proza M.N. Mura'eva: Iz istorii russkoy prozy posledney treti XVIII veka* [Prose by M.N. Muravyov: From the history of the Russian prose of the last third of the 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
11. Dolgushin, D.V. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [The court locus and self-reflection of Russian literature of the late 18th – early 19th centuries: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Petr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
12. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [The genre-style system of V.A. Zhukovsky's prose]. Tomsk: [s.n.].
13. Ayzikova, I.A. (2019) Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/1
14. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 volumes]. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
15. Keuten, A. (2007) Where and When Was the 'Abstract of the History of Russian Literature' By V.A. Zhukovskii First Published? *Russian Literature*. 61 (3). pp. 269–290. (In Russian). DOI: 10.1016/j.ruslit.2007.03.002
16. Levin, V.D. (1965) Karamzin, Batyushkov, Zhukovskiy – redaktory sochineniy M.N. Murav'eva [Karamzin, Batyushkov, Zhukovsky as editors of M.N. Muravyov]. In: *Problemy sovremennoy filologii: sb. st. k semidesyatiletiyu akademika V.V. Vinogradova* [Problems of modern philology: Collection of articles to the seventieth birthday of Academician V.V. Vinogradov]. Moscow: Nauka. pp. 182–191.
17. Zhilyakova, E.M. (1978) V.A. Zhukovskiy i M.N. Murav'ev [V.A. Zhukovsky and M.N. Muravyov]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's book collection in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71–104.
18. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo (Opisanie)* [V.A. Zhukovsky's book collection (Description)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Murav'ev, M.N. (1847) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 volumes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
20. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 volumes]. Vol. 15. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
21. Kanunova, F.Z. (1978) Russkaya istoriya v chtenii i issledovaniyakh Zhukovskogo [Russian history in the reading and research of Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's book collection in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 400–465.
22. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 volumes]. Vol. 11. Sub-vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
23. Kanunova, F.Z. & Ayzikova, I.A. (2001) *Nravstvenno-esteticheskie iskaniya russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gg.)* [Moral and Aesthetic Searches of Russian Romanticism and Religion (1820s–1840s)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
24. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete works and letters in 20 volumes]. Vol. 16. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Received: 11 March 2020